

Внешняя политика Японии в 1894—1907 гг.: на пути превращения в континентальную державу

Юрий Сергеевич Пестушко,

доктор исторических наук, заместитель директора Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск.

E-mail: 009968@pnu.edu.ru

Представленная работа посвящена анализу внешней политики Японии на рубеже XIX—XX вв. На основе привлечения научных работ на русском и английском языках, а также архивных первоисточников, автор рассматривает процесс включения Японии в региональные международные отношения во второй половине XIX столетия, становление морской и континентальной политики Токио, мероприятия японского правительства, направленные на превращение страны в полноправного субъекта международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (присоединение архипелага Рюкю, Формозы (о. Тайвань), Пескадорских островов). В статье отмечается, что с момента включения Японии в международные процессы целью японской внешней политики становится превращение страны в сильную державу, достижение статуса регионального лидера. По мнению автора, трёхстороннее вмешательство России, Франции и Германии в условия Симоносекского мирного договора, организованное Санкт-Петербургом, вывело на новый уровень разногласия между Японией и Россией по вопросу доминирования в Маньчжурии и Корее, сделав неизбежным военное противостояние между двумя странами. В работе анализируются мероприятия японского правительства по увеличению и модернизации вооружённых сил, осуществлявшиеся на протяжении 1881—1913 гг. Делается вывод, что вхождение Японии в число ведущих мировых держав по итогам Русско-японской войны и расширение сфер влияния на континенте привело к росту конкуренции между Японией с одной стороны и США и Великобританией — с другой.

Ключевые слова: Япония, Китай, Корея, Россия, японская континентальная политика, Симоносекский мирный договор, трёхстороннее вмешательство, Русско-японская война, англо-японский союз, вооружённые силы, сферы интересов.

Foreign Policy of Japan in 1894—1907: On the Way of Transformation into a Continental State.

Yuriy Pestushko, Pacific National University, Khabarovsk, Russia.

E-mail: 009968@pnu.edu.ru.

The following article is devoted to the analysis of the Japan's foreign policy at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Basing on the scientific works in Russian and English as well as the historical documents, the author analyses the process of involving Japan into the regional international relations in the second half of the nineteenth century, the formation of the Japanese maritime and continental policy, the activities of the Japanese government aimed at turning the country into a full-fledged subject of international relations in the Asia-Pacific region (annexation of the Ryukyu Islands, Formosa (Taiwan), Pescadores Islands). The article describes that from the moment Japan was included in the international relations, the goal of the Japanese foreign policy was to turn the country into a strong power as well as to achieve the status of a regional leader. The Triple Intervention of Russia, France and Germany in the terms of the Treaty of Shimonoseki, organized by St. Petersburg, brought disagreement between Japan and Russia on the issue of dominance in Manchuria and Korea to a new level, making military conflict between the two countries inevitable. The paper analyzes the activities of the Japanese government to increase and modernize the armed forces carried out during 1881—1913. It is concluded that Japan's entry into the leading world powers as a result of the Russo-Japanese War and the expansion of the spheres of influence on the continent led to increased competition between Japan on the one hand and the United States and Great Britain on the other hand.

Keywords: Japan, China, Korea, Russia, Japan's continental policy, Shimonoseki Peace Treaty, Triple Intervention, Russo-Japanese War, Anglo-Japanese Alliance, armed forces, spheres of interest.

Рубеж XIX—XX вв. стал временем нарастания противоречий между ведущими мировыми державами. На фоне создания в Европе двух противоборствующих военно-политических блоков — Тройственного союза (1882 г.) и Антанты (1907 г.) — стала всё более активно вестись подготовка к борьбе за передел мира. В рассматриваемый период отсутствовали действенные механизмы регулирования международных отношений [4, с. 13], однако противостояние союзнических коалиций и гонка вооружений пока позволяли ведущим державам сохранять хрупкое равновесие в мире, не скатываясь к большой войне. Дело ограничивалось локальными конфликтами и региональными столкновениями (Испано-американская война, Фашодский инцидент и т.д.). Расстановка сил на мировой арене менялась достаточно динамично из-за существовавших противоречий между ведущими державами и включения в межгосударственные процессы новых регионов и новых субъектов международных отношений.

Так, в конце XIX в. всё более заметную роль в мировой политике и начавшемся соперничестве за передел мира стала играть Восточная Азия. В последней трети XIX столетия здесь заявила о себе Япония. Это небольшое государство, вставшее после своего «открытия» в 1850-е гг. на рельсы интенсивного экономического развития, нуждалось не только в рынках сбыта товаров собственного производства, но и в сырьевых источниках. С момента включения Японии в международные процессы целью её внешней политики становится превращение страны в сильную державу, достижение статуса лидера среди своих региональных соседей [11, р. 156].

Представленная работа преследует цель проанализировать процесс становления Японии в качестве континентальной державы и полноправного субъекта международных отношений. Данная цель определила следующие задачи: показать внешнеполитические шаги японского правительства накануне и после Японо-китайской войны 1894—1895 гг., направленные на превращение страны в сильное региональное государство; охарактеризовать мероприятия Токио по увеличению военно-морских сил и их модернизации; рассмотреть основные итоги вхождения Японии в число колониальных мировых империй с точки зрения геополитической обстановки, сложившейся в Восточной Азии после завершения Русско-японской войны.

Выбор хронологических рамок работы обусловлен следующими причинами. 1894 г. стал поворотным моментом в деле реализации японским правительством своих ближайших и долгосрочных внешнеполитических задач. До первой японо-китайской войны (1894—1895 гг.) Япония только набирала авторитет и ещё не являлась полноправным актором межгосударственных отношений и мировой политики. Однако после победы в войне с Китаем Страна восходящего солнца безусловно стала одной из влиятельных региональных держав. Победа в Русско-японской войне и, как следствие, расширение сфер интересов Японии в восточноазиатском регионе ознаменовали собой её превращение в государство мирового ранга.

С момента начала участия Японии в межгосударственных делах во второй половине XIX в. её внешнеполитическая доктрина в долгосрочной перспективе была нацелена на включение в восточноазиатскую политику на правах полноправного субъекта международных отношений, превращение из островной в континентальную державу, а также «...участие наравне с ними (западными державами. — Ю.П.) в ограблении Китая» [5, с. 126].

Одна из первых попыток Японии добиться для себя привилегий на материке за счёт Китая была предпринята в начале 1870-х гг. В ходе предварительного обсуждения Японо-цинского соглашения о дружбе (Тяньцзиньский договор 1871 г.) японская сторона попыталась навязать Китаю договор, схожий с теми, которые уже были заключены между Пекином и западными державами. Другими словами, речь шла о подписании неравноправного соглашения. Однако Пекин отказался предоставить Японии

права наибольшего благоприятствования по условиям договора, а право экстерриториальности было признано на взаимной основе.

Последующие внешнеполитические шаги Токио были более успешными. В 1872 г. японское правительство объявило Королевство Рюкю, находившееся с 1609 г. в положении двойного японо-китайского вассалитета, территориальной единицей Японии. Девятнадцатый Ван Рюкю Сё Тай был приравнен к японской титулованной знати. Поскольку формально архипелаг по-прежнему сохранял вассальную зависимость от Китая, в 1874 г. японским правительством была организована военная экспедиция на Формозу (о. Тайвань), чтобы добиться признания Пекином прав Японии на о-ва Рюкю. Поводом к ней послужил инцидент с убийством местными жителями потерпевших кораблекрушение рыбаков с Окинавы [1, с. 35]. От крупного военного конфликта Японию и Китай тогда спасли два обстоятельства — вмешательство Великобритании и США и неготовность самой Японии к крупномасштабным боевым действиям. По итогам начавшихся переговоров с китайским правительством Токио удалось добиться самого главного — официального признания Пекином присоединения архипелага Рюкю к Японии¹.

Заметной дипломатической победой Японии в реализации своих внешнеполитических планов стало подписание Санкт-Петербургского договора 1875 г., по условиям которого она получила от России о. Уруп и все острова Курильской гряды к северу от него. Таким образом Страна восходящего солнца включила в свои владения островную гряду протяжённостью 1200 км с богатыми промысловыми районами. Для Токио также существенным являлся тот факт, что договор 1875 г. фактически стал одним из первых международных соглашений, которое Япония заключила с западной державой на равных условиях.

Важным шагом на пути реализации Японией планов по континентальным захватам стало подписание в 1876 г. корейско-японского договора о мире, который формально ликвидировал вассальную зависимость Кореи от Цинского Китая, а также предоставил Японии в Корее права экстерриториальности и консульской юрисдикции. Кроме того, Корея открыла Японии порты для ведения торговли и предоставила японской стороне право назначать туда своих консулов [5, с. 128—129].

Все эти действия Токио представляли собой пока лишь «пробу пера» в большой политике. Даже без крупных военных конфликтов этому островному государству удалось в 1870-е гг. добиться расширения своих владений, а также обозначить перед соседями по АТР стремление к региональному лидерству.

Менее чем через два десятилетия «проба пера» прогнозируемо перешла в «пробу меча», когда в своей внешней политике Япония приступила к реализации её континентальной составляющей. В 1894—1895 гг.

¹ Действительная аннексия Рюкю началась несколько позже — в 1879 г., когда острова получили статус японской префектуры Окинава. Поводом к этому послужила дань, которую Королевство Рюкю направило Цинскому Китаю в 1875 г.

развернулась война между Японией и Цинским Китаем за установление контроля над Кореей. Формально японская сторона действовала исключительно в интересах Корейского государства, во внутренние дела которого якобы «...открыто и тайно вмешивается Китай» [9, р. 11].

На самом деле Корея представляла для японского правительства особый интерес с точки зрения континентальной политики. Овладение Корейским полуостровом позволяло Японии закрепиться на материке, подготовить плацдарм для дальнейшей экспансии в отношении Китая, а в долгосрочной перспективе обеспечить себе определённые преимущества в соперничестве с Россией, которая во второй половине XIX столетия перешла к проведению активной восточноазиатской политики. Не случайно накануне Японо-китайской войны 1894—1895 гг. в японских политических памфлетах, подготовленных официальными лицами и парламентариями, в качестве одной из причин необходимости вмешательства в корейские дела и подчинения Кореи назывались постройка Сибирской железной дороги и грядущее усиление позиций Российской империи на берегах Тихого океана [7, с. 34].

Условия Симоносекского мирного договора, завершившего первую японо-китайскую войну, — признание Пекином самостоятельности Кореи, передача Японии Формозы (о. Тайвань), архипелага Пэнхуледао (Пескадорские о-ва) и Ляодунского полуострова — были восприняты Германией, Россией и Францией как угроза их восточноазиатским интересам. В 1895 г. по инициативе российской стороны Санкт-Петербург, Париж и Берлин вынудили Токио отказаться от аннексии Ляодунского полуострова в обмен на выплату Пекином дополнительной контрибуции. Обращения трёх стран были сделаны в виде отдельных заявлений посланников России, Германии и Франции на встрече с заместителем министра иностранных дел Японии Хаяси Тадасу [6, с. 57].

Помимо вмешательства в итоги Японо-китайской войны царское правительство предприняло ряд мер, направленных на усиление российских позиций на Дальнем Востоке. В 1895 г. Санкт-Петербург предоставил Китаю заём в 150 млн руб., а вслед за этим был подписан Московский русско-китайский договор 22 мая 1896 г., предусматривавший строительство железной дороги через Маньчжурию с выходом на Владивосток [2, с. 105—106]. Согласно «Конвенции, заключённой между Россией и Китаем 15 марта ст. ст. 1898 года (о Порт-Артуре) в Пекине», южная часть Ляодуна была передана царскому правительству в аренду на 25 лет с возможностью продления указанного срока [2, с. 119—120].

Японский историк Хидэмита Акаги отмечал, что «семена конфликта (Русско-японской войны. — Ю.П.) были посеяны трёхсторонним вмешательством» [цит. по: 3, с. 48]. С этим утверждением трудно не согласиться. По инициативе России Япония лишилась одного из своих главных трофеев в войне с Китаем — Ляодунского полуострова. Тот факт, что через три года царское правительство убедило Пекин передать в аренду России порты Льюйшунь (Порт-Артур) и Даляньвань (Дальний) с прилегающей

акваторией и сухопутным пространством, окончательно «вывел из себя» Токио. Именно вышеназванные мероприятия Санкт-Петербурга стали своего рода «точкой невозврата», когда Россия и Япония «сблизились до расстояния выстрела из пистолета» [7, с. 8]. С этого момента Япония, поощряемая Великобританией и США, начинает вести подготовку к войне с Россией.

Уверенности Токио прибавило подписание в 1902 г. англо-японского союзного договора, который предусматривал нейтралитет одной из сторон в случае вступления другой договаривающейся стороны в войну с третьей державой. По условиям договора, если к выступившей против союзника державе присоединилось одно или несколько государств, другая договаривающаяся сторона обязывалась оказать ему военную помощь [5, с. 163]. Другими словами, подписание данного соглашения стало для Токио гарантией невмешательства в русско-японский конфликт других государств, так как любой потенциальный союзник России автоматически оказывался противником Великобритании.

Царское правительство не особенно опасалось вооружённого конфликта с Японией. Расчёт на лёгкую победу и дальнейшее усиление политических и экономических позиций Российской империи в Восточной Азии, а также стремление использовать войну для разрешения внутригосударственного кризиса подтолкнули Санкт-Петербург к военному противостоянию с японской стороной. Однако ожидания А.М. Безобразова, А.М. Абазы, И.И. Воронцова и других сторонников «маленькой победоносной войны» не оправдались. Россия проиграла войну и была вынуждена пойти на серьёзные территориальные уступки в пользу Японии на Дальнем Востоке.

Победа в войне с Россией существенно изменила соотношение сил, существовавшее в восточноазиатском регионе до Русско-японской войны. Япония превратилась в полноправного субъекта международных отношений и вошла в число ведущих мировых держав того времени. Изменение статуса Японии было подтверждено возведением иностранных посланников в этой стране в ранг послов в течение 1905—1908 гг., а также пересмотром подписанных ранее торговых договоров с европейскими державами, заметно ограничивавших таможенный суверенитет японского государства.

По словам Р.Р. Розена, отныне японцы были признаны² «...во всех отношениях достойными стать наравне с народами белой расы» [АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 1443. Л. 5]. Однако куда более точным представляется высказывание М.Х. Часового: «экзамены, выдержанные Японией в 1894—1895 гг. и ещё более в 1904—1905 гг... двинули (японский народ. — Ю.П.) к смелым попыткам руководить стремлениями и политическими надеждами азиатских народов на свержение с Азии европейского ига» [8, с. 21]. С аналогичных позиций послевоенную Японию и японцев оценивал российский

² Соединёнными Штатами.

посол в Токио Г.П. Бахметев: «Последняя война вскружила японцам голову, они воображают, что им одним должно быть предоставлено право водворения порядка в Китае» [ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 3. Л. 3]. Ближайшее будущее подтвердило нацеленность Японии на конкуренцию с ведущими мировыми державами в Восточной Азии и продолжение борьбы за региональное лидерство.

Если по условиям Симоносекского мирного договора Япония добилась от Китая отказа от его сюзеренных прав на Корею, то по условиям ст. 2 Портсмутского мирного договора Токио обеспечил себе в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы. В дальнейшем японское правительство перешло к поэтапному установлению контроля над Корейским полуостровом. В 1905 г. Сеулу был навязан договор, согласно которому Корея превращалась в японский протекторат, — Конвенция о контроле Японии над внешними сношениями [3, с. 61]. Через два года (в 1907 г.) между двумя странами было подписано новое соглашение, которое значительно расширило права японского генерального резидента в Корее. Последний получил полномочия на одобрение административных реформ в стране, назначение и увольнение высокопоставленных чиновников, а также принятие законов. Таким образом, после Русско-японской войны Японии удалось установить свой контроль над Кореей, к чему призывали японские государственные деятели накануне войны с Китаем. Окончательным шагом на пути подчинения Корее стало подписание в 1910 г. Договора о присоединении Корее к Японии, превратившего Корею в японскую колонию.

Переход под контроль Японии Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, а также передача Россией японской стороне железнодорожной линии от Порт-Артура до Куанченцзы не просто расширили сферы интересов Японии на континенте, но и стали для неё своего рода компенсацией за трёхстороннее вмешательство, организованное Санкт-Петербургом в 1895 г. На переговорах в Портсмуте Япония также добилась от России передачи южной части о. Сахалин, что нанесло безусловный урон внешнеполитическому престижу Российской империи. Для самой Японии Южный Сахалин стал важным стратегическим и экономическим приобретением. Таким образом, Русско-японская война позволила Японии извлечь для себя существенную геополитическую выгоду за счёт расширения сфер влияния как на материке, так и в восточноазиатском регионе в целом. При этом она значительно потеснила там позиции своего основного противника — Российской империи.

Расширение Японией сфер влияния по итогам Русско-японской войны обусловило разработку её правительством мер, направленных на усиление военного потенциала и укрепление в Южной Маньчжурии и Корее. На проходившем 21 мая 1906 г. в Токио правительственном совещании были рассмотрены и одобрены проекты увеличения японских вооружённых сил, представленные военным министром Тэраути Масатакэ и министром флота Ямамото Гомбэй (Гоннохёэ).

Проект Тэраути содержал предложение по созданию дополнительных восьми сухопутных дивизий. Каждую дивизию предполагалось усилить артиллерией, кавалерией, пулемётами, инженерным оборудованием и средствами связи. Министерство флота планировало устроить на территории Кореи два военных порта и три стратегические морские станции. Кроме того, предполагалось усилить ВМФ Японии четырьмя броненосцами, тремя бронированными крейсерами и «несколькими» вспомогательными судами. Для высвобождения средств на осуществление вышеназванных проектов было решено ввести правительственную монополию на сахар и табак [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 24—25].

Перспективы реализации проектов по увеличению японской армии и флота по-разному оценивались самими японцами и иностранцами. Российский посол в Токио Г.П. Бахметев считал, что «...весь народ поголовно поддерживает (такие планы. — Ю.П.), как из патриотизма и честолюбия, так и из-за верных богатых выгод»³ [ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 3. Л. 3].

На первый взгляд, уверенность российского дипломата в безоговорочной поддержке простыми японцами любых мероприятий своего правительства была вполне обоснованной. Японское общество начала XX в. отличалось высоким уровнем сплочённости и готовностью поставить интересы государства выше своих собственных. Вместе с тем послевоенная японская экономика находилась в таком ужасном состоянии, что даже у самих японских политиков не было стопроцентной уверенности в том, что население ослабленной недавней войной страны положительно отнесётся к идее увеличения армии и флота.

Например, премьер-министр Японии Сайондзи Киммоти обещал сделать всё от него зависящее, чтобы проекты Тэраути и Ямамото были осуществлены. Однако сам он считал, что простые японцы не одобряют готовящееся увеличение вооружённых сил, а также связанное с этим введение государственной монополии на табак и сахар [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 25].

Подтверждением опасений Сайондзи стали 1905—1907 гг., ознаменовавшиеся активизацией в Японии рабочего движения. Народные выступления, стачки и забастовки стали также формой проявления недовольства населения репрессивной политикой властей и экономическим положением страны. Безусловно, готовящееся увеличение армии и флота не могло улучшить и без того непростую ситуацию в японской экономике. Однако выступления не имели прямого отношения к проектам японского военного и морского министерств и преследовали своей главной целью улучшение условий труда и повышение заработной платы.

³ В цитируемом документе царский дипломат не говорит напрямую о вышеназванных проектах. Под «планами правительства, которые поголовно поддерживают все японцы» подразумевается вероятное военное вторжение в Китай с целью защиты целостности страны и обеспечения неприкосновенности маньчжурской династии Цин. Однако военная экспедиция на континент была неосуществима без увеличения японских вооружённых сил и их модернизации.

Для послевоенной Японии осуществление намеченных планов по увеличению вооружённых сил являлось непростой задачей. После обсуждения проектов военного и морского министерств в апреле 1906 г. каких-либо конкретных мероприятий по их реализации не предпринималось. Вплоть до осени 1906 г. правительство Японии вело переговоры о привлечении внешних займов с Великобританией и Францией, а также старалось высвободить необходимые средства за счёт перераспределения расходов на военные нужды. Однако указанное «перераспределение» выглядело, скорее, как перекладывание денег из одного кармана в другой.

Например, в рамках проводимых мероприятий военное министерство решило передислоцировать четыре дивизии из Маньчжурии и Кореи в Японию, а вместо них направить на материк «сборные части в таком же количестве» [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 33]. Перемещение личного состава преследовало целью снижение военных расходов на содержание войск на континенте. Однако направление «сборных частей» в Маньчжурию и Корею и одновременная передислокация регулярных частей на Японские острова едва ли позволили бы добиться желаемого результата.

Начавшиеся после Русско-японской войны увеличение и модернизация японских вооружённых сил были уже третьими по счёту. Первый этап (1881—1894 гг.) предшествовал первой японо-китайской войне (1894—1895 гг.). В течение указанного времени армейские бригады были увеличены до дивизий. Общая численность армии в 1883 г. составляла 200 тыс. чел. [9, p. 106; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 23].

Второй этап реформирования сухопутных сил пришёлся на 1895—1906 гг. В этот период особое внимание было сконцентрировано на усовершенствовании военно-технических знаний личного состава. В результате проведённых мероприятий численность личного состава была увеличена до 500 тыс. чел. Тем самым Япония достигла показателей, которые были запланированы ещё в 1871 г., когда в стране была введена система общей воинской повинности [9, p. 106; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 23].

Третий период начался в 1907 г. [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 23]. В рамках реализации проектов военного и морского министерств количество дивизий в японской армии увеличилось с 13 до 19, а срок обязательной службы составил два года [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 101]. Кроме того, в течение 1905—1913 гг. было увеличено количество боевых кораблей. Так, если до Русско-японской войны ВМФ Японии насчитывал 79 судов, то за несколько послевоенных лет их число достигло 124 [10, p. 130—131]. Таким образом, война с Россией и последовавший за ней перевод экономики страны на военные рельсы способствовали дальнейшему укреплению японской военной машины.

1894—1907 гг. стали важным этапом превращения Японии в великую державу. По итогам первой японо-китайской войны страна смогла значительно расширить сферы влияния в Восточной Азии, заполучив в качестве колоний Тайвань и Пескадорские о-ва. В результате военной кампании против Китая Токио реализовал одну из главных целей своей внешней

политики — добился признания самостоятельности Кореи. Указанное обстоятельство подготовило почву для последующего расширения японской континентальной экспансии. Победа в Русско-японской войне не только ввела Японию в число ведущих держав того времени, но и фактически завершила процесс превращения её в колониальную империю, имевшую значительные владения на Азиатском континенте.

Сложившееся после Русско-японской войны соотношение сил на Дальнем Востоке характеризовалось наличием четырёх главных игроков — Японии, Соединённых Штатов, Великобритании и России. Стремление Японии к лидерству в Восточной Азии обусловило рост конкуренции Страны восходящего солнца с Соединёнными Штатами. С одной стороны, основой внешней политики японского правительства теперь стал союз с Великобританией. Однако парадоксальность этого союза заключалась в том, что его подписание не спасало Токио и Лондон от взаимной конкуренции в Китае. Уже в 1907 г. Япония активизировала экономическое проникновение в Южный Китай — сферу интересов Великобритании. Последнее выразилось в увеличении японской концессии в Ханькоу, активизации японского судоходства по р. Янцзы и попытках Токио купить железную дорогу Пекин — Ханькоу [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1070. Л. 120—121]. Таким образом, следствием превращения Японии в одну из великих держав начала XX в. явился рост конкуренции Токио не только с Вашингтоном, но и с Лондоном. В то же время указанное обстоятельство оказало значительное влияние на пересмотр японским правительством внешнеполитического курса страны, в дальнейшем подтолкнув к сближению со своим недавним противником — Российской империей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Баженова Ж.М., Колегова Е.А. Кому принадлежит Окинава? О возможности возникновения нового территориального спора между Китаем и Японией // Россия и АТР. 2017. № 2. С. 26—46.
2. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М.: Ин-т востоковедения им. Н.Н. Нариманова, 1927. 218 с.
3. Гринюк В.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 48—63.
4. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции) / ред. колл.: В.А. Емец, А.В. Игнатьев и др. М.: Международные отношения, 1999. 672 с.
5. История Японии. Т. II. 1868—1998 / отв. ред. А.Е. Жуков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998. 703 с.
6. Ковальчук М.К. Вмешательство трёх европейских держав России, Франции, Германии в условия Симоносекского договора 1895 г.: причины и последствия // Известия Восточного института. 2008. № 15. С. 49—61.
7. Россия и Япония на заре XX столетия: Аналитические материалы отечественной военной ориенталистики / предисл. В.А. Золотарева и В.И. Шеремета. М.: Арбизо, 1994. 583 с.

8. Часовой М.Х. Грядущее Дальнего Востока. СПб.: Типография «Родник», 1910. 64 с.
9. Japan by the Japanese: A Survey by its Highest Authorities / ed. by A. Stead. Washington, D.C.: University Publications of America, 1979. 697 p.
10. Longford J.H. The Evolution of New Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 1913. 166 p.
11. Political Development in Modern Japan / ed. by Robert E. Ward; contributors Ardath W. Burks et al. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968. 637 p.
12. АВПРИ (Арх. внешней политики Российской империи).
13. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
14. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический арх.).

REFERENCES

1. Bazhenova Zh.M., Kolegova E.A. Komu prinadlezhit Okinava? O vozmozhnosti vozniknoveniya novogo territorial'nogo spora mezhdu Kitaem i Yaponiey [Who Owns Okinawa? About the Possibility of a New Territorial Dispute Between China and Japan]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 2, pp. 26—46. (In Russ.)
2. Grimm E.D. *Sbornik dogovorov i drugikh dokumentov po istorii mezhdunarodnykh otnosheniy na Dal'nem Vostoke (1842—1925)* [Collection of Treaties and Other Documents on the History of International Relations in the Far East (1842—1925)]. Moscow, In-t vostokovedeniya im. N.N. Narimanova Publ., 1927, 218 p. (In Russ.)
3. Grinyuk V.A. Russko-yaponskaya voyna 1904—1905 gg. i Koreya [Russo-Japanese War of 1904—1905 and Korea]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 1, pp. 48—63. (In Russ.)
4. *Istoriya vneshney politiki Rossii. Konets XIX — nachalo XX veka (Ot russko-frantsuzskogo soyuza do Oktyabr'skoy revolyutsii)* [The History of Russia's Foreign Policy. From the End of the 19th Century to the Beginning of the 20th Century (From the Russian-French Alliance to the October Revolution)]. Ed. by V.A. Emets, A.V. Ignat'ev et al. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, 672 p. (In Russ.)
5. *Istoriya Yaponii. T. II. 1868—1998* [The History of Japan. Vol. 2. 1868—1998]. Executive ed. A.E. Zhukov. Moscow, In-t vostokovedeniya RAN Publ., 1998, 703 p. (In Russ.)
6. Koval'chuk M.K. Vmeshatel'stvo trekh evropeyskikh derzhav Rossii, Frantsii, Germanii v usloviya Simonosekского dogovora 1895 g.: prichiny i posledstviya [Intervention of Three European Powers — Russia, France, Germany in the Conditions of the Shimonoseki Treaty, 1895: Causes and Consequences]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2008, no. 15, pp. 49—61. (In Russ.)
7. *Rossiya i Yaponiya na zare XX stoletiya: Analiticheskie materialy otechestvennoy voennoy orientalistiki* [Russia and Japan at the Dawn of the 20th Century. Analytical Materials of the Domestic Military Oriental Studies]. Book Introduction by V.A. Zolotarev, V.I. Sheremet. Moscow, Arbizo Publ., 1994, 583 p. (In Russ.)
8. Chasovoy M.Kh. *Gryadushchee Dal'nego Vostoka* [The Future of the Far East]. Saint Petersburg, Tipografiya "Rodnik" Publ., 1910, 64 p. (In Russ.)
9. *Japan by the Japanese: A Survey by its Highest Authorities*. Ed. by A. Stead. Washington, D.C., University Publications of America Publ., 1979, 697 p. (In Eng.)
10. Longford J.H. *The Evolution of New Japan*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1913, 166 p. (In Eng.)
11. *Political Development in Modern Japan*. Ed. by Robert E. Ward; contributors Ardath W. Burks et al. Princeton, N.J., Princeton University Press Publ., 1968, 637 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию: 06.11.2019